

DOI 10.22455/2541-8297-2018-7-331-348
УДК 821.161.1

В.Ф. Ходасевич, «Гулливер» и советский миф о Горьком

В.А. Черкасов

Аннотация: В статье рассматривается полемика ведущего колумниста парижской газеты «Возрождение» Гулливера (В.Ф. Ходасевича) с советскими мемуаристами 1920–1930-х гг., воспоминания которых канонизировали личность Горького. В.Ф. Ходасевич развенчивал мифические представления о Горьком, обусловленные советской идеологией: активная дореволюционная общественная деятельность, дружба с Лениным и Сталиным, толстовский генезис творчества, «идеальный» брак с Андреевой, искренность, душевность, человечность духовного облика в целом.

Ключевые слова: Максим Горький, В.Ф. Ходасевич, источниковедческий метод, история критики русского зарубежья, мемуары.

Информация об авторе: Валерий Анатольевич Черкасов, д.ф.н., профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия. E-mail: cherkasov.valeri@mail.ru

Мемуары В.Ф. Ходасевича о Горьком прочно вошли в золотой фонд горьковедения. Однако до сих пор не поставлен вопрос о собирании, публикации и изучении горьковианы Ходасевича в ее полном объеме. В частности, не изучена такая значительная часть горьковедческого наследия критика, как «Литературная летопись» (далее ЛЛ), которую он вел вместе с Н.Н. Берберовой под коллективным псевдонимом Гулливер на страницах парижской газеты «Возрождение».

В некоторых статьях ЛЛ авторская точка зрения выражена «напрямую», без какой-либо иронической двусмысленности. Подобные статьи выполняют установочную функцию, помогая читателю понять авторскую точку зрения. В горьковиане ЛЛ таковой является статья «Изучение Горького», в которой Гулливер отмечает как знаки внешнего почета, окружившие Горького после его окончательного переезда в СССР, так и навязываемый властью «процесс стремительной канонизации Горького как художника». Одним из призна-

ков сугубо официального характера этой канонизации является, по Гулливеру, «громоздкая разработка биографии и научное (или квазинаучное) исследование его творчества»¹. В своей статье мы намерены проанализировать основные мотивы полемики Гулливера с советскими мемуаристами 1920–1930-х гг., воспоминания которых способствовали канонизации личности Горького.

В шестом номере журнала «Красная новь» за 1928 г. были напечатаны воспоминания К.П. Злинченко об участии Горького в 1906 г. в работе заграничного Комитета помощи безработным². Гулливер откликнулся на них в выпуске ЛЛ от 27 сентября 1928 г. В начале воспоминаний Злинченко подробно останавливается на социальной и политической мотивировке возникновения Комитета помощи безработным: «Расстрелы, казни, карательные экспедиции и сотни тысяч рабочих, выбрасываемых на улицу. [...] Чем можно было тогда помочь всё возраставшим массам безработных стачечников, выброшенных на улицу контрреволюционной волной?» Горький отредактировал составленный мемуаристом текст воззвания «К рабочим Швейцарии», поскольку входил в Комитет помощи безработным. В частности, он заменил адресат воззвания: «К рабочим Европы». К.П. Злинченко подчеркивает мотив членства Горького в упомянутой общественной организации: «Запишите и меня в члены вашего комитета, – вдруг предложил Максим Горький, взглянув на меня серьезными, сочувствующими глазами. [...] – Вы позволите мне исправить некоторые места? – спросил новый член комитета».

Ниже Злинченко даже называет Горького и Л.Н. Андреева, также поддержавшего проект помощи русским рабочим, «основателями комитета». В этой связи он сообщает о возникших у него планах европейского масштаба: «В разгоряченном мозгу строились планы предстоявшей уже “европейской” работы с такими основателями комитета, как Горький и Андреев». То есть новая, горьковская редакция воззвания придавала, по Злинченко, глобальный размах проекту. Между тем писатель подверг текст якобы лишь стилистической правке: «Текст моего воззвания оказался переделанным и расширенным, но сущность и даже основные формулировки остались». Согласно Злинченко, инициатива расставания с Горьким и Андреевым исходила исключительно от него: «Всем было весело, все смеялись, но мне уж не терпелось: тянуло в Лозанну поделиться с комитетом

¹ Гулливер. Литературная летопись: Изучение Горького // Возрождение. 1936. № 4053, 21 нояб. С. 9.

² Злинченко К.П. Из воспоминаний о Максиме Горьком (1906–1911 гг.) // Красная новь. 1928. № 6. С. 165–175.

слишком важной новостью... Да и не хотелось задерживать писателей». В произошедшем вскоре расколе Комитета мемуарист винит «меньшевиков и бундовцев», однако в результате этого образовался новый, более эффективный ««международный комитет», в исполнительное бюро которого оказались избранными почти одни большевики и иностранные левые социалисты нескольких национальностей». Отредактированное Горьким воззвание было напечатано в европейских социалистических изданиях и сыграло важную роль в успешной деятельности Комитета: «Воззвание, подписанное Горьким, Андреевым и другими членами, было напечатано в “Бюллетенях” Бюро и в социалистических газетах почти всех стран в июле-августе 1906 года от имени “Международного комитета”. “Внепартийный” же “кадетский” комитет скончался, едва успев родиться вновь». Таким образом, принадлежавшая Горькому идея интернациональной помощи безработным русским рабочим была реализована полностью.

В самом начале своего отзыва о воспоминаниях Злинченко³ Гулливер акцентирует мотив «ненадежного рассказчика», опуская мотивировочную часть утверждений Злинченко: «“Это было в тот момент, когда Россия представляла ужасную картину...”». Так начинаются воспоминания. Вслед за тем выясняется, однако, что речь идет не о 1919 или 1920 гг., а... о 1906! “Страшная, кровавая контрреволюция всё выше поднимала свою (!) голову”». С этой целью он иронически комментирует допущенную мемуаристом и редакцией журнала ошибку в правописании слова *фуникулер*: «Потрясенный неожиданной встречей с Горьким и первыми шагами большого успеха комитета – я долго не мог найти станции фуникулера (sic! очевидно, от слова финик), кружась всё на одном и том же месте. В разгоряченном мозгу строились планы... Наконец, я попал в вагон фуникулера».

Признав мемуариста «ненадежным рассказчиком», Гулливер не доверяет и его свидетельству о степени вмешательства Горького в текст воззвания. В его изложении писатель переделал воззвание полностью. При этом редактирование не мотивировано членством писателя в Комитете, так что в изображении Гулливера его поведение в целом выглядит довольно бесцеремонным: Злинченко «прочел вслух свой проект воззвания. Горькому оно очень понравилось. “От радостного предчувствия у меня горячо забилося сердце”, – говорит Злинченко. “Вы позволите мне исправить некоторые места?” – спросил Горький, и, взяв бумагу, ушел с нею в другую комнату. “Весь сияющий, бросился я чуть не на шею Андрееву”, – продолжает

³ Гулливер. Литературная летопись // Возрождение. 1928. № 1213, 27 сент. С. 3.

наивный воспоминатель, – и с тою же наивностью сообщает, что Горький всё это “понаравившееся” ему воззвание тут же переделал по-новому. Прочли новую редакцию, горьковскую».

Мнение Гулливера о степени вмешательства Горького в текст возвания поддержала А.И. Наумова, републиковавшая рассматриваемые воспоминания Злинченко: «Воззвание к рабочим Европы, не только отредактированное Горьким, а фактически заново написанное им...»⁴ Согласно Гулливеру, сам Горький захотел расстаться со Злинченко сразу после написания новой редакции возвания. При этом, как и при редактировании возвания, с посетителем он особо не церемонился: «К этому времени Злинченко уже надоел. Чтобы от него отделаться, Горький сказал:

– Ну, а теперь на прощанье давайте споем что-нибудь.

Спели “Ай, за гаем, гаем, гаем зелененьким” – и Злинченко, наконец, отправился восвояси, “поделиться с комитетом важной новостью”».

В конце заметки Гулливер констатирует деструктивную роль Горького в деятельности Комитета: «Несмотря, однако, на то, что “большой успех” шел такими удачными “первыми шагами”, следующая глава называется “Раскол комитета”. А совершился великий раскол... на другой же день». Очевидная нелогичность написанных в мажорном тоне мемуаров Злинченко связана, по Гулливеру, с безграмотностью «ненадежного рассказчика»: «Таких “воспоминаний” о Горьком сейчас печатается в советских журналах множество. Почти все отличаются “ведомственным” восторгом и слабою грамотностью».

Итак, если Злинченко акцентировал активное участие Горького в 1906 г. в работе заграничного Комитета помощи безработным, то в изложении Гулливера вмешательство писателя в дела комитета, наоборот, способствовало его скорейшему расколу.

Следующий развернутый отзыв Гулливера на советские мемуары о дореволюционной деятельности Горького появился в ЛЛ 15 марта 1934 г. в связи с публикацией в первом номере журнала «Звезда» за 1934 г. очерка В.А. Десницкого «В.И. Ленин и М. Горький»⁵, в котором рассказывалось об их первой встрече в Петербурге в ноябре 1905 г. и об их дружеских отношениях во время лондонского

⁴ Злинченко К.П. Комитет помощи безработным / Публ. А.И. Наумовой // Литературное наследство. Т. 72: Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка. М.: Наука, 1965. С. 591.

⁵ Десницкий В.А. В.И. Ленин и М. Горький. Из воспоминаний // Звезда. 1934. № 1. С. 115–134.

V съезда РСДРП. Потом он был повторен в выпуске ЛЛ от 28 мая 1937 г.

Как указывает В.А. Десницкий в начале очерка, воспоминания Горького о Ленине (вторая редакция, 1930), посвященные тем же сюжетам, не отличаются «протокольной точностью»: «Они – документ исключительной исторической важности, превосходное художественное произведение, в котором пролетарский писатель говорит о том, как в его сознание вошел величайший исторический деятель нашей эпохи. В этом смысле и неточности рассказа ценны для нас как показатели того сложного процесса, в ходе которого закреплялись дружеские отношения художника и вождя пролетариата». Поэтому Десницкий не только не стремится повторять свидетельства своего авторитетного предшественника, но и считает возможным корректировать их. Так, он приводит свой диалог с Горьким о не упомянутом последним начале его знакомства с Лениным в ноябре 1905 г., из чего выясняется, что писатель просто забыл об этом факте. Но опровергая утверждение Горького о том, что тот не встречал Ленина до 1907 г., до начала V съезда РСДРП, Десницкий считает, что его покаянное признание в недостаточном знакомстве с произведениями Ленина соответствует действительности: «Сам Алексей Максимович говорит, что “до этого года” (года V съезда) “читал его не так много, как бы следовало”». Вот как это свидетельство Горького звучит в его воспоминаниях о Ленине⁶: «До этого года я не встречал Ленина, да и читал его не так много, как бы следовало. Но то, что удалось мне прочесть, а особенно восторженные рассказы товарищей, которые лично знали его, потянуло меня к нему с большой силой».

Согласно Десницкому, на поезде из Берлина в Лондон ехали он сам, Ленин, Горький и сопровождавшая писателя М.Ф. Андреева. Всю дорогу они играли в карты (в «тетку»). Впрочем, мемуарист запомнил следующее заявление Ленина, которое тот произнес с характерным жестом: «Немецкому пролетариату нужна более революционная партия, чем нынешняя германская социал-демократия с ее Vorstand'ом (ЦК партии) чиновников, – говорил он, показывая на сплошные линии огней фабрик и заводов». По Десницкому, это заявление подытоживало негативные впечатления Ленина от состоявшейся в Берлине незадолго до отъезда в Лондон встречи с Каутским, на которой последний вел себя по отношению к Ленину сдержанно осторожно как к представителю «родственной, но всё же не своей социал-демократической партии».

⁶ Цит. по: *Горький М. В.И. Ленин // Горький М. Рассказы. Очерки. Воспоминания. Пьесы. М.: Художественная литература, 1975. С. 429–462.*

По Десницкому, прибыв в Лондон, они опять-таки вчетвером отправились искать подходящую гостиницу для писателя с супругой. При этом Ленин, чрезвычайно озабоченный состоянием здоровья своего друга, самолично проверял степень влажности простыней и в одной из гостиниц на окраине города (в этом районе проходил съезд) обнаружил клопов. Именно поэтому они остановили выбор на одной из центральных гостиниц, хотя, по свидетельству Десницкого, «Алексей Максимович хотел устроиться поближе к съезду». Приводим соответствующий фрагмент воспоминаний Десницкого полностью:

В Лондоне Горький жил особняком от остальных участников съезда, в большой гостинице в центре города; остальные делегаты разместились на окраинах, поблизости от той церкви, в которой происходили заседания. Алексей Максимович хотел устроиться поближе к съезду, но Ленин настоял, чтобы Горький жил в хороших квартирных условиях. [...] Владимир Ильич проявлял большое внимание к устройству Горького, заботился о его здоровье. Прямо с вокзала он вместе с нами отправился искать помещение для Горького. Алексей Максимович рассказывает, что Владимир Ильич даже простыни его постели осматривал. И это верно; только делал это Владимир Ильич неоднократно и в ряде гостиниц, которые мы обошли.

– Может быть, они сырое белье положили?

Его особенно поразило то, что в одной из окраинных гостиниц мы даже клопов в постели усмотрели.

– Клопы? В культурнейшей Англии?.. – недоумевал, и даже как бы с некоторым злорадством, Владимир Ильич.

Теперь приведем показание Горького, в точности которого усомнился Десницкий:

Пришел в гостиницу, где я остановился, и вижу: [Ленин] озабоченно шупает постель.

– Что это вы делаете?

– Смотрю – не сырые ли простыни.

Я не сразу понял, зачем ему нужно знать – какие в Лондоне простыни? Тогда он, заметив мое недоумение, объяснил:

– Вы должны следить за своим здоровьем.

Таким образом, по Горькому, Ленин навестил его после того, как он поселился в гостинице. Причем пришел без ведома хозяина и на-

чал проверять его простыни. Горький не сообщает, что поселился с Андреевой в одной из гостиниц, расположенных в центре города и что решающую роль в выборе этой гостиницы сыграл Ленин. Об этом, так же как и о найденных Лениным клопах, мы узнаем из воспоминаний Десницкого.

Гулливер в начале статьи⁷ опровергает главное положение мемуарного очерка Десницкого о многолетней дружбе между Лениным и Горьким, которое тот развивал в своем произведении в строгом соответствии с советским официальным канонем:

Собственно говоря, дружбы в настоящем смысле слова здесь не было: был интерес друг к другу, было долготейшее знакомство, была обширная переписка (одни письма Горького к Ленину занимают большую часть толстого тома материалов для ленинской биографии, вышедших в 1924 году под редакцией Каменева). У Горького под конец образовалась некая приятельская привычка к Ленину: недаром их отношения длились без малого двадцать лет. У Ленина к Горькому было «бережное отношение». (Заметим, от себя – более как к писателю; как политического деятеля Ленин его ставил не высоко и не слишком считался с ним.)

Излагая сцену петербургского знакомства Горького с Лениным, Гулливер применяет комический прием *qui pro quo*, переадресовывая Ленину признание Горького о недостаточном знании произведений нового знакомого: «У Горького состоялось собрание, на котором присутствовали Десницкий, Богданов, Красин и многие другие. Привели также Ленина, который впоследствии признавался Десницкому, что до знакомства с Горьким “читал его не так много, как бы следовало”». Акцентируемый мотив неосведомленности Ленина и Горького в идеях друг друга и изначальной чуждости их друг другу является реализацией установочного тезиса о фактическом отсутствии между ними дружбы как таковой.

Далее Гулливер следующим образом рассказывает о поведении Ленина в поезде из Берлина в Лондон: «В Лондон выехали все вместе. Ленин, глядя из окна вагона на заводы и фабрики Германии, призывал к мировой революции. Кроме того, впрочем, дорогой играли в “тетку” и разговаривали. Десницкий жалеет, что не стенографировал эти исторические беседы». Таким образом, Гулливер, во-первых, элиминирует свидетельство Десницкого о негативных впечатлениях

⁷ *Гулливер*. Литературная летопись: Ленин и Горький // Возрождение. 1934. № 3207, 15 марта. С. 4.

от встречи с Каутским, мотивирующее заявление Ленина о необходимости радикальной немецкой партии. Во-вторых, он обостряет само заявление, заменив требование радикальной партии призывом к «мировой революции». В-третьих, он комически монтирует этот «высокий» призыв с прозаической игрой в «тетку». А в-четвертых, для усиления комизма в монтаже столь различных мотивов соединяет с ними «высокий» мотив «исторических бесед», которые Ленин и Горький вели во время игры и которые Десницкий опрометчиво не стенографировал. В результате все четверо путешественников предстают в комическом свете: Ленин ни к селу ни к городу призывает к «мировой революции», Горький и Андреева поддерживают за игрой в «тетку» «исторические беседы» с Лениным, Десницкий с игральными картами в руках не стенографирует эти беседы.

Комическое изображение четверых путешественников достигает кульминации в лондонских сценах:

В Лондоне социал-демократические делегаты остановились на окраине, неподалеку от своей церкви. Горький составил исключение, заняв роскошные апартаменты в гостинице, расположенной в центре города. (М.Ф. Андреева никогда не любила смешиваться с плебсом.) Десницкий поселился с Горькими. Ленин в первый же вечер пришел навестить нового своего приятеля. (Можно себе представить, как ему бывало скучно с эсдеками). При этом посещении проявил он по отношению к Горькому большую заботливость, отчасти даже излишнюю: Десницкий с умилением вспоминает, как Ленин осматривал простыни на постелях: нет ли клопов?

Гулливер усиливает двусмысленность ленинской проверки гостиничных простынь. В его изображении Ленин приходит в гости к Горькому и первым делом начинает проверять наличие клопов в супружеской постели писателя в присутствии самих супругов и поселившегося в соседней комнате Десницкого. То есть Гулливер относит (вслед за Горьким) проверку Лениным постели Горького ко времени, как гостиница была найдена. Более того, он превращает «большую гостиницу» из очерка Десницкого в «роскошные апартаменты», чем доводит проверку Лениным до абсурда. До какой же степени нужно быть оторванным от жизни, чтобы искать клопов в супружеской постели, да еще в присутствии постороннего, да еще в «роскошных апартаментах» одной из гостиниц в центре Лондона. За шутовским поведением Ленина, в изображении Гулливера, маячит зловещий образ тирана, считающего допустимым «забираться

в чужую постель», то есть контролировать интимную жизнь человека. А если принять во внимание невысокое мнение Гулливера о моральном облике Андреевой, то в обсуждаемом мотиве можно усмотреть и намек на адюльтер или, если угодно, на *menage à trois*, столь распространенный среди последователей этического учения Н.Г. Чернышевского о необходимости сексуального раскрепощения женщины, к числу которых относились все трое⁸.

Таким образом, Гулливер развенчивает миф официозного очерка Десницкого об отношениях Горького и Ленина как идеальной дружбе. Он последовательно противопоставляет, с одной стороны, общественную пассивность писателя, выполняющего любой каприз своей любовницы и безропотно принимающего сомнительные «дружеские» услуги Ленина, и, с другой стороны, комическую оторванность Ленина от жизни. Тем самым Гулливер внушает читателю сомнение в возможности искренних дружеских отношений между двумя столь различными людьми.

В сознании советского общества 1920–1930-х гг. бытовало представление о Горьком как достойном преемнике Л.Н. Толстого. Впервые с этим представлением Гулливер полемизировал в ЛЛ 7 августа 1930 г.⁹, когда цитировал рецензию А.М. Смирнова-Кутачевского на книгу воспоминаний В.А. Поссе «Мой жизненный путь» (1929)¹⁰. Советский рецензент назвал фигуры Толстого и Горького фундаментальными, подчеркнув тем самым их равновеликость: «Читатель-современник встретит в книге Поссе всех выдающихся деятелей того времени. В центре – фундаментальные фигуры Л. Толстого и М. Горького. Закат одного и расцвет другого». Цитируя этот фрагмент, Гулливер опустил определение, обозначив свое несогласие с постановкой в один ряд Толстого и Горького: «Читатель-современник встретит в книге Поссе всех выдающихся деятелей того времени. В центре – фигуры Л. Толстого и М. Горького. Закат одного и расцвет другого». Так Гулливер отверг и вытекающую из равновеликости фигур Толстого и Горького идею преемственности между ними.

Более пространно на эту тему Гулливер высказывался в ЛЛ 10 января 1935 г., 9 июля 1937 г. и 22 июля 1938 г. в связи с публикацией

⁸ См.: *Ходасевич В.* Мелочи: Лопух // *Возрождение*. 1932. № 2963, 13 июля. С. 3–4. Ср.: *Паперно И.* Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М.: НЛЮ, 1996.

⁹ *Гулливер*. Литературная летопись // *Возрождение*. 1930. № 1892, 7 авг. С. 4.

¹⁰ *Смирнов-Кутачевский А.М.* [Рец.] Поссе В.А. Мой жизненный путь. М.: Земля и фабрика, 1929 // *Красная новь*. 1930. № 4. С. 201–202.

воспоминаний Скитальца «Встречи» (1934)¹¹, посвященных, между прочим, истории его знакомства с Толстым летом 1902 г. в Крыму и роли Горького в этом. Тексты статей в основном дублируют друг друга, поэтому тройной повтор свидетельствует о том значении, которое они имели для Гулливера.

По словам Скитальца, Горький говорил ему о достаточно близких, душевных отношениях между ним и Толстым. Последний якобы даже читал ему запрещенный цензурой рассказ «Отец Сергей». Однако Софья Андреевна, желавшая показать Горькому его настоящее место, не допустила прославленного Горького к Толстому якобы по причине его плохого самочувствия. Но Скиталец подружился с домашним врачом Толстого Никитиным, тот рассказал о Скитальце самому Толстому, и встреча всё же состоялась. Толстой пригласил едва вступившего на писательскую арену Скитальца и охотно с ним поговорил. А о неудачном визите Горького он ничего не знал. По словам мемуариста, «на прощание Толстой подарил мне свой портрет, на котором при мне же с трудом написал дрожащей от слабости рукой ласковую надпись».

Историю знакомства Скитальца с Толстым Гулливер изложил так:

Летом 1902 года Скиталец жил в Крыму у Горького. Там же гостил Шаляпин. Однажды Горький решил сводить их обоих к Толстому в Гаспру.

Гостей встретила Софья Андреевна. Постепенно в гостиной собрались все члены семьи; Скитальцу «даже надоело вставать со стула, так их было много». Сам же Толстой к гостям не вышел, и они удалились ни с чем.

В другой раз Скиталец отправился один: Горький с Шаляпиным уже уехали. Чтобы познакомиться с Толстым, предварительно сдружился он с его домашним врачом Никитиным, через которого и добрался до Толстого.

Скиталец пытается передать свой разговор с великим писателем. В общем, это ему удалось плохо, за исключением нескольких толстовских замечаний о мужиках. Толстой был очень слаб и едва мог написать свой портрет, который Скиталец у него выпросил¹².

¹¹ *Скиталец. Встречи* (литературные воспоминания) // Красная новь. 1934. № 10. С. 148–175.

¹² *Гулливер. Литературная летопись: Воспоминания Скитальца* // Возрождение. 1935. № 3508, 10 янв. С. 4.

Гулливер пропускает признание Горького о чтении ему Толстым «Отца Сергия». Он ничего не говорит о том, что Софья Андреевна препятствовала попытке Горького познакомить Скитальца с Толстым. Он не упоминает о болезни писателя, что могло мотивировать его невыход к гостям. По Гулливеру, получается, что Толстой находился с Горьким в столь далеких отношениях, что мог отказаться от встречи с ним даже в присутствии его друзей. Гулливер сознательно принижает и образ мемуариста, якобы выпросившего у Толстого портрет: это принижение переносится по метонимическому принципу и на Горького как лидера литературной группы, к которой принадлежал Скиталец («тень Горького», как назвал Гулливер Скитальца в конце своей статьи). В противовес советскому мифу о Горьком как преемнике Толстого Гулливер подчеркивает весьма далекие отношения писателей и развенчивает этот миф.

В мемуарном очерке М.Ф. Андреевой, написанном по случаю сорокалетнего юбилея Художественного театра¹³, Гулливер выделяет эпизод знакомства актрисы с Горьким в Севастополе в 1900 г. во время первой гастрольной поездки театра¹⁴. В частности, он цитирует признания Андреевой о том впечатлении, которое произвел на нее Горький во время знакомства и о вспыхнувшем в ней чувстве любви: «А потом улыбнулся, сверкнул из-под усов ровными крепкими зубами, и глянули его изумительные голубые глаза из-за густых ресниц так светло и ярко, что с этой минуты, и уже на всю жизнь, стал он самым красивым и обаятельным человеком на свете». Гулливер дезавуирует искренность любовного признания Андреевой, намекнув на ее другие любовные связи: «Всё это, конечно, ужасно многозначительно и трогательно. Но М.Ф. Андреева забыла прибавить, что и в П.П. Крючкове, том самом, которого расстреляли по обвинению в убийстве Горького и который во всяком случае долгие годы был злым гением Горького, тоже было немало красоты и обаяния». Этот комментарий становится понятнее в свете статьи Ходасевича «О смерти Горького», напечатанной в «Возрождении» 18 марта 1938 г., в которой, в частности, говорится, что Андреева жила с Крючковым под одной крышей с Горьким: «Не знаю, когда и при каких обстоятельствах он познакомился с Марией Федоровной Андреевой, второй женой Горького. Во всяком случае, в 1920 году (а может быть, и раньше) он уже состоял ее секретарем по управ-

¹³ Андреева М.Ф. Поездка в Крым // Литературная газета. 1938. № 59 (766), 26 окт. С. 4.

¹⁴ Гулливер. Литературная летопись: Воспоминания // Возрождение. 1938. № 4157, 11 нояб. С. 9.

лению петербургскими театрами, жил на ее половине в квартире Горького и, не смущаясь разницей возрастов (Мария Федоровна значительно старше его), старался всем показать, что его ценят не только как секретаря. Он был недурен собой, хорошо одевался, имел пристрастие к шелковым чулкам, которые не всегда добывались легально»¹⁵. Ходасевич допускал, что Крючков мог быть причастен к убийству сына писателя Максима, но не верил в возводимую на него советским судом вину в убийстве самого Горького.

Таким образом, в отклике на воспоминания Андреевой Гулливер приоткрывает читателю тайны интимной жизни писателя, далекие от официально принятых в Советском Союзе взглядов на личность мемуаристки как «жены, друга и соратника Горького»¹⁶.

Большая часть воспоминаний советских авторов о послереволюционной деятельности Горького, на которые отозвался Гулливер, посвящены их впечатлениям от итальянских встреч с писателем. Таковы воспоминания Н.Н. Асеева¹⁷, А.Н. Афиногенова¹⁸ и Л.С. Рывлина (сотрудника созданного Горьким Всесоюзного института экспериментальной медицины)¹⁹. Сюда же следует отнести и воспоминания А.И. Цветаевой, поделившей своими впечатлениями от встречи с Горьким в Сорренто с читателями «Нового мира» за подписью А. Мейн²⁰.

Из довольно объемного повествования Асеева Гулливер выделяет его свидетельство о намерении Горького весной 1928 г. посетить Советский Союз: «Н. Асеев продолжает писать о своем посещении М. Горького в Сорренто. Между прочим, он сообщает: В платяном шкафу у Горького висит новый костюм. – Гранитовый – говорит он. – Вот этот костюм, замеча-ательный костюм. В нем я весной в Россию поеду!» (курсив наш)²¹. Обещание Горького вернуться в СССР является устойчивым мотивом для горьковианы Ходасевича в целом. Впервые он появляется в статье «Максим Горький и СССР» (Возрождение. 20 октября 1927, подпись М.). В ней Ходасевич, по емкой характеристике Дж. Мальмстада, «с иронией писал о лживых обещаниях Горького вернуться в СССР и о его упорном пребывании

¹⁵ Ходасевич В. О смерти Горького // Возрождение. 1938. № 4123, 18 марта. С. 7.

¹⁶ Григорьева А.П., Щирин С.В. От составителей // Андреева М.Ф. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. Воспоминания о М.Ф. Андреевой. М.: Искусство, 1968. С. 3.

¹⁷ Асеев Н.Н. Из встреч с М. Горьким // Звезда. 1928. № 3. С. 170–185.

¹⁸ Афиногенов А.Н. В Сорренто // Красная новь. 1932. № 9. С. 152–156.

¹⁹ Рывлин Л.С. Незабываемые дни // Звезда. 1937. № 6. С. 198–200.

²⁰ Мейн А. Из книги о Горьком // Новый мир. 1930. № 8–9. С. 94–115.

²¹ Гулливер. Литературная летопись // Возрождение. 1928. № 1073, 10 мая. С. 3.

заграницей в связи со “здоровьем”»²². В свете данного наблюдения курсив Гулливера намекает искушенному читателю на истинную цену подобного заявления.

В ЛЛ данный мотив появляется 17 ноября 1932 г. в связи с воспоминаниями Афиногенова о встрече с Горьким в Сорренто: «Коснувшись затем положения писателей в СССР и охарактеризовав его как исключительно счастливое, Горький закончил беседу следующим признанием: “Доктора меня не пускают в Москву, а я поеду, я должен первомайскую демонстрацию увидеть”». Понимать сие надо в том смысле, что ради такого зрелища стоить рискнуть и здоровьем»²³. В последнем предложении Гулливер иронически трактует мотив жертвы собственным здоровьем/жизнью ради общественного блага, характерный для советской мифологии героического в целом.

Асеев передает рассказ Горького о Куприне, который в состоянии опьянения вел себя так эксцентрично, что становился похожим на своих персонажей: «Рассказывает Горький мягко, без нажимов и подчеркиваний, лишь изредка остановится, повторит, взвесит то или иное слово [...], а перед слушателем встают четкие и выпуклые фигуры, полно окрашенные эпизоды неряшливого пьяного беспорядочного быта расейского, с его писателями, похожими на своих персонажей»²⁴. По словам Горького, Куприну так надоела реальная необычная в каком-либо отношении люди – прототипы его персонажей, что он мог от них сбежать без объяснения причин. Однажды он таким образом сдал одного из этих прототипов на руки Горькому, вынудив его накормить за свой счет: «Куприн так и не вернулся к своему необыкновенному протезу. Он, очевидно, успел потерять для Куприна весь интерес необычности. И Куприн сдал его вместе с его ростом и аппетитом, действительно исключительным, на руки Горькому»²⁵.

Все эти наблюдения Горького Гулливер переадресовывает ему самому 1 октября 1937 г.²⁶, иронически пересказывая воспоминания П.А. Заломова, прототипа главного героя романа «Мать» Павла Власова, о встрече в 1934 г. с писателем. Гулливер усиливает мотив сходства «расейского писателя» с его персонажами из упомянутого рассказа Горького о Куприне. Он указывает на двойничество Горь-

²² *Мальмстад Дж.* Из переписки В.Ф. Ходасевича (1925–1938) // *Минувшее: Исторический альманах*. Т. 3. М.: Прогресс; Феникс, 1991. С. 277.

²³ *Гулливер.* Литературная летопись: Юбилейные отголоски // *Возрождение*. 1932. № 2725, 17 нояб. С. 4.

²⁴ *Асеев Н.Н.* Из встреч с М. Горьким. С. 184–185.

²⁵ Там же. С. 183.

²⁶ *Гулливер.* Литературная летопись: 44 персонажа в поисках автора // *Возрождение*. 1937. № 4099, 1 окт. С. 9.

кого и Заломова, сравнив их разговор с диалогом Ивана Карамазова с чертом. Здесь Гулливер приводит любопытную биографическую подробность о мистицизме как существенной черте мировоззрения Горького: «Надо заметить, что не верить в Бога Горький себя заставил, но от веры в чертей никогда не отказывался и в чертях разбирался с большою тонкостью». В конце статьи Гулливер подчеркивает «писательство» самого Заломова, не ограничившегося одним газетным очерком, но замахнувшегося на «обширное издание». Говоря о приложенных к статье Заломова фотографических снимках, он пишет: «На третьем – поверит ли наш читатель? – “Петр Андреевич Заломов читает жене и дочери новые отрывки своих воспоминаний”». Вот уж куда метнуло – персонажи пишут об авторе! Эти писания составят часть обширного издания, озаглавленного “Семья Заломовых” и имеющего выйти к двадцатилетию октябрьской революции. Тут уже будет подробно рассказано обо всех сорока четырех». Этот выпуск ЛЛ назывался «44 персонажа в поисках автора», а на одном из фотографических снимков, иллюстрирующих воспоминания Заломова, изображен «самый молодой член семьи Заломовых, 44-й по счету, Юрик Адельсон». Таким образом, тематически писания Заломова не будут отличаться от повествований Горького о семье Кашириных или тех же Власовых (Заломовых).

По Гулливеру, писатели не любят встречаться с прототипами своих персонажей, и Горький не является исключением. Вот как он реконструирует чувства писателя, узнавшего о намерении Заломова навестить его в Горках: «Нет ничего более скучного и даже тяжелого для писателя, чем живой человек, однажды использованный в качестве персонажа, то есть уже переделанный, преобразованный – и вдруг вновь объявившийся в первоначальном состоянии. [...] Можно бы сказать, что писателю интересны все люди, кроме уже использованных. [...] Ясно, что предстоящее явление персонажа к автору должно было Горького испугать. Что с ним делать? О чем говорить? А ведь если он явится в деревню, то тут получасовой беседой не отделаешься». Именно по этой причине Горький назначил встречу в городе, указав ее точное время. Далее Гулливер допустил, что Горький мог просто уйти в другую комнату во время обеда со званым гостем: «Увы, у него была эта предательская привычка – убегать от докучливых посетителей, заставляя других сидеть с ними». Итак, Горький ничем не отличается от Куприна, о котором он сам рассказывал и, следовательно, подобен прочим «рассейским писателям», похожим на своих персонажей. Круг замкнулся.

В воспоминаниях А. Мейн (А.И. Цветаевой), Афиногенова, Рывлина, которые восторженно описали свою встречу с Горьким в Сорренто и Неаполе, Гулливер обнажил приемы театрализованного поведения писателя, с помощью которых тот, по словам критика, «уловлял неопытных», внушая своим слушателям желаемые им представления о собственной личности. Емкое описание подобного поведения Горького содержится в ЛЛ 16 октября 1930 г., посвященной воспоминаниям А. Мейн: «Люди, хорошо знающие Горького, с улыбкою здесь узнают весь тот арсенал соблазнов, которым Горький располагал для уловления неопытных. Узнают и заученную непринужденность Горького, и его давнишние парадоксы, и неожиданные суждения, каждый раз повторяемые для новых слушателей, и рассказы о скитаниях, и маленькие экспромты, многим давно уже известные назубок»²⁷.

Из воспоминаний Афиногенова Гулливер выделяет фрагменты, посвященные беседам Горького с молодыми советскими писателями. В его передаче, эти беседы сводились исключительно к политической и антирелигиозной пропаганде:

Затем, перейдя к текущей литературной жизни, Горький советовал Афиногенову изучать Запад и его отношение к советскому союзу: «как работают белые против нас – они вон в Париже организовали контрчеку»...

Разговор зашел о религии; посмеявшись над Иерусалимскими чудесами («одна химия»), Горький поведал Афиногенову, что его знакомая, Ланина лично знавала Серафима Саровского: это был «прижимистый кулак» и умер совсем седым, а мощи открыли «совсем в другом месте и с рыжею бородой»²⁸.

Последний значительный отзыв Гулливера на воспоминания современников о послереволюционном Горьком содержится в статье «Сталин и Горький»²⁹, посвященной очерку Л.В. Никулина «Жизнь есть деяние»³⁰. Из всего довольно объемного очерка Гулливер цитирует фрагмент, в котором содержится описание впечатлений мемуариста от встречи Сталина с Горьким в особняке писателя на Малой

²⁷ Гулливер. Литературная летопись // Возрождение. 1930. № 1962, 16 окт. С. 4.

²⁸ Гулливер. Литературная летопись: Юбилейные отголоски // Возрождение. 1932. № 2725, 17 нояб. С. 4.

²⁹ Гулливер. Литературная летопись: Сталин и Горький // Возрождение. 1938. № 4139, 8 июля. С. 9.

³⁰ Никулин Л.В. Жизнь есть деяние // Литературная газета. 1938. № 33 (740), 15 июня. С. 3.

Никитской 26 октября 1932 г.: «Сталин много говорил о задачах литературы, и слушая его, Горький поглядывал на нас радостным, сияющим взглядом, точно приглашая вместе с ним радоваться справедливым и глубоко волнующим словам. Надо было видеть, с каким уважением и мягкостью поглядывал Сталин на Горького – первого среди людей советской литературы. Конечно, такую дружбу, такое прекрасное товарищеское чувство Горького к Сталину не могли разбить никакие происки и козни. Горький остался верен этой дружбе до своего последнего дня». В воспоминаниях Никулина, идеализировавшего отношения Сталина и Горького, Гулливер увидел задание власти по сглаживанию ходивших в обществе слухов о конфликте между ними: «... слова Никулина отчетливо звучат “официозным разъяснением”, ради которого и написана вся статья. По-видимому, в советской России до сих пор ходят слухи о неладах, происходивших между Горьким и Сталиным, и о том, что в последнее время своей жизни Горький изменил отношение к диктатору. Никулину поручили эти слухи опровергнуть». Этот комментарий обнажает политическую ангажированность внешне сугубо личных, лиричных мемуаров Никулина о дружбе Горького со Сталиным.

Таким образом, Гулливер развенчивал складывающиеся мифические представления о личности Горького в сознании современников, обусловленные советской идеологией: активная дореволюционная общественная деятельность писателя, его дружба с Лениным и Сталиным, толстовский генезис его творчества, идеальный, с точки зрения советской морали, брак с Андреевой, искренность, душевность, человечность его духовного облика в целом. Дополнительную убедительность построениям Гулливера придает обнаруженное им в складывающемся каноне противоречие между «реалиями жизни» Горького и «оценочной риторикой» советских мемуаристов³¹. Данное направление исследования в применении к горьковIANе Ходасевича (Гулливера) в целом представляется весьма перспективным.

³¹ Цветаева Н.Н. Биографические нарративы советской эпохи: модели дистанцирования от идеологических норм // Пятое чтение памяти Вениамина Иофе: Право на имя. Биографика 20 века. Эпоха и личность: ракурсы исторического понимания. 16–18 апреля 2007. СПб.: [б. и.], 2008. С. 165–175.

Литература

Горький М. В.И. Ленин // Горький М. Рассказы. Очерки. Воспоминания. Пьесы. М.: Художественная литература, 1975. С. 429–462.

Григорьева А.П., Щирина С.В. От составителей // Андреева М.Ф. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. Воспоминания о М.Ф. Андреевой. М.: Искусство, 1968. С. 3–6.

Злинченко К.П. Комитет помощи безработным / Публикация А.И. Наумовой // Литературное наследство. Т. 72: Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка. М.: Наука, 1965. С. 586–591.

Мальмстад Дж. Из переписки В.Ф. Ходасевича (1925–1938) // Минувшее: Исторический альманах. Т. 3. М.: Прогресс; Феникс, 1991. С. 262–291.

Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 207 с.

Цветяева Н.Н. Биографические нарративы советской эпохи: модели дистанцирования от идеологических норм // Пятые чтения памяти Вениамина Иофе: Право на имя. Биографика 20 века. Эпоха и личность: ракурсы исторического понимания. 16–18 апреля 2007. СПб., 2008. С. 165–175.

References

Gor'kii M. V.I. Lenin. Gor'kii M. *Rasskazy. Ocherki. Vospominaniia. P'esy* [Short stories. Essays. Memoirs. Plays]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1975, pp. 429–462. (In Russ.)

Grigor'eva A.P., Shchirina S.V. Ot sostavitel'ei [Editorial note]. Andreeva M.F. *Perepiska. Vospominaniia. Stat'i. Dokumenty. Vospominaniia o M.F. Andreevoi* [Correspondence. Memoirs. Articles. Documents. Memoirs of M.F. Andreeva]. Moscow, Iskustvo Publ., 1968, pp. 3–6. (In Russ.)

Zlinchenko K.P. Komitet pomoshchi bezrobotnym [Committee for assistance to the unemployed], publ. by A.I. Naumova. *Literaturnoe nasledstvo. T. 72: Gor'kii i Leonid Andreev. Neizdannaiia perepiska* [Literary heritage. Vol. 72: Gorky and Leonid Andreev. Unpublished correspondence]. Moscow, Nauka Publ., 1965, pp. 586–591. (In Russ.)

Malmstad J. Iz perepiski V.F. Khodasevicha (1925–1938) [From the correspondence of V.F. Khodasevich (1925–1938)]. *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh. T. 3* [Bygone: Historical almanac. Vol. 3]. Moscow, Progress Publ., Feniks Publ., 1991, pp. 262–291. (In Russ.)

Paperno I. *Semiotika povedeniia: Nikolai Chernyshevskii – chelovek epokhi realizma* [Semiotics of behavior: Nikolai Chernyshevsky – a man of the realism era]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1996. 207 p. (In Russ.)

Tsvetaeva N.N. Biograficheskie narrativy sovetskoi epokhi: modeli distantsirovaniia ot ideologicheskikh norm [Biographical narratives of the Soviet era: models of distancing from ideological norms]. *Piatye chteniia pamiati Veniamina Ioife: Pravo na imia. Biografika 20 veka. Epokha i lichnost': rakursy istoricheskogo ponimaniia. 16–18 april'ia 2007* [5th proceedings in the memory of Veniamin Jofe: The right to a name. Biography of the 20th century. Epoch and personality: perspectives of historical understanding. 16–18 April 2007]. St. Petersburg, 2008, pp. 165–175. (In Russ.)

V.F. Khodasevich, “Gulliver” and the Soviet myth of Gorky

Valery A. Cherkasov

Abstract: The paper discusses the polemics between the leading columnist of the Parisian newspaper “Vozrozhdenie” Gulliver (V.F. Khodasevich) and Soviet memoirists of the 1920–1930s, whose memoirs canonized Gorky's personality. V.F. Khodasevich debunked mythical ideas about Gorky, established by Soviet ideology: pre-revolutionary social activism, friendship with Lenin and Stalin, the Tolstoyan genesis of creativity, the “perfect” marriage to Andreeva, sincerity, soulfulness, humanity of his spiritual appearance as a whole.

Keywords: Maxim Gorky, V.F. Khodasevich, source study method, the history of the Russian émigré criticism, memoirs.

Information about the author: Valery A. Cherkasov, Doctor Hab., Professor of Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

E-mail: cherkasov.valeri@mail.ru